

УДК: 316.772+168.4

Тапдыг Хафизович Керимов, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
e-mail: kerimovt@mail.ru

Игорь Вячеславович Красавин, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет им. первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина
e-mail: krasavin.i@gmail.com

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОСТИ: МНОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА СТРУКТУРЫ

Статья посвящена анализу множественности структуры, являющейся причиной ее сложности: многообразия и многомерности отношений. Исходным предположением выступает представление о множественном характере структуры, которая является виртуальной и лишь отчасти реализована в актуальности. Данное свойство делает отношения дифференциальными, то есть взаимопределяемыми друг относительно друга. Взаимоопределение отношений представляет собой качественное различие, которое не поддается объективации. Данное различие является реально существующим, но не актуальным, а виртуальным. Виртуальное показано в статье в качестве реального, обладающего в этом статусе всей полнотой существования. В статье подчеркивается отличие виртуального и потенциального. Потенциальное является гипотетическим подобием актуально существующей формы, объекта. Виртуальное качественно не связано с актуальным, хотя определяет границы последнего. Реальность виртуального и множественность строения структуры исключают их определение через исходное тождество и сведение к отдельным элементам, качествам или отношениям.

Ключевые слова: структура, различие, множественность, виртуальное, дифференциальные отношения.

Тема множественности – центральная в современной философии. Термин активно использовался А. Бергсоном, который в свою очередь заимствовал его у Б. Римана. По определению Римана, «многообразием» считается объект, который может быть задан посредством собственных измерений, как дискретное многообразие, либо независимыми переменными, как непрерывные многообразия. Дискретные многообразия «содержат принцип своих собственных метрик (так, что мера одной из их частей задается числом содержащихся в них элементов), вторые основывают метрический принцип на чем-то еще» [6, с. 310-311], например, на тех феноменах, которые существуют в этом многообразии. На пути этого различения Бергсон значительно меняет описание этих двух многообразий. Непрерывные многообразия, согласно Бергсону, принадлежат порядку длительности, а не пространства. Речь идет о двух формах множественности: с одной стороны, множественность количественная, нумерическая, материальная, топологическая, множественность, трансцендентальным условием которой выступает пространство, а с другой стороны – множественность качественная, виртуальная, трансцендентальным условием которой выступает время. «Попробуем на одно мгновение сделать ее (длительность) множественностью. Необходимо будет прибавить, что члены этой множественности, вместо того чтобы разграничиваться, как члены какой бы то ни было множественности, захватывают друг друга, что хотя мы и можем, конечно, путем усилия воображения придать твердость длитель-

ности, уже истекшей, разделить ее на рядопологающие куски и сосчитать все эти куски, но что операция эта совершается над застывшим воспоминанием длительности, над неподвижным следом, оставляемым за собою подвижностью длительности, но не над самой длительностью. Мы должны будем поэтому признать, что если есть здесь множественность, то эта множественность не походит ни на какую другую множественность» [1, с. 1176]. Но поскольку длительность принадлежит к сфере качественных множеств, она не является ни просто чем-то неделимым, ни чем-то, не поддающимся измерению, неизмеримым.

Чем отличается качественное многообразие от количественного? Отличие производится по критерию субъективного и объективного. «Объект может быть разделен бесконечным числом способов. Даже не будучи реализованными, они de jure воспринимаются как реализованные. Под «объективным» Бергсон подразумевает именно то, что не обладает никакой виртуальностью. В объективном все актуально, независимо от того, реализовано оно или нет, возможно или реально. Объективным называется не только то, что делится, а то, что – делясь – не меняется по природе» [7, с. 26]. Итак, это то, что делится благодаря различиям в степени. В этом смысле объект называется «числовым многообразием». С другой стороны, качественное многообразие, называемое еще «субъективным», в процессе деления меняется по природе, поэтому оно является «нечисловым множеством». В конечном счете, субъективное, или длительность – это нечто

виртуальное, а виртуальное неотделимо от движения собственной актуализации.

В данном обсуждении нас интересует понятие виртуальной множественности. Что означает виртуальность? Отвечая на этот вопрос, прежде всего надо иметь в виду введенное Бергсоном различие между виртуальностью и возможностью. Основной упрек Бергсона в адрес категории возможного: оно представляет собой ряд предопределенных форм, самождественных вопреки их не-существованию и, будучи реализованными, соответствующих актуальным формам. Во-первых, возможное не существует, тогда как виртуальное существует. Виртуальное реально. «Виртуальное обладает полной реальностью в качестве виртуального» [3, с. 256]. Возможное – это то, что может стать или могло бы стать реальным. Виртуальность не просто абстракция, вторичная от актуально наличного состояния вещей. Она соприсутствует и становится актуальным без внешнего воздействия. Во-вторых, возможное предполагает самождественность понятия, в то время как виртуальное множественно и не нуждается в исходном тождестве. Виртуальное – это дифференцированная множественность. В-третьих, возможное – это образ, подобие, зеркало реального, оно структурировано как реальное минус факт существования. В любом смысле, возможное и реальное суть отражения друг друга. Осуществление возможного только удваивает его. Виртуальность актуализируется благодаря различению тождества, предшествуя последнему.

Виртуальные множественности не имеют ничего общего со своими актуализациями именно потому, что актуализируются они только посредством различения (*differance*). И именно потому, что отношение между виртуальностью и актуальностью не есть отношение подобия, именно потому, что это отношение не есть движение от модели к образу, актуализация – это «всегда подлинное творчество» [4, с. 315].

Актуальности в сфере жизни, то есть виды, организмы, органы и т.д., есть результат не другой актуальности, а тенденций. Если эволюцию представлять не в качестве механического процесса, который просто добавляет существование к чему-то уже предданному как возможность; если результаты эволюции представлять не в качестве реализации возможностей, преданных самому процессу, то есть возможностей, которые подразумеваемый процесс просто реализует; если, другими словами, творчество вписать в саму эволюцию, тогда существование (или актуальность) как понятие и условия существования таких процессов больше не нужно будет полагать как не-реальный предикат, как то, что просто-напросто добавляется к содержанию, причем данному заранее как возможность [5, с. 113].

Из этого краткого обсуждения можем выделить

три основных пункта. Во-первых, имеет место онтология реальных, динамических процессов без негативности в качестве процессора. Это онтология различий по природе, качественных и становящихся множественностей, виртуальных горизонтов. Во-вторых, качественную и становящуюся множественность не объяснить диалектикой единого и многого, поскольку множественность – это не множество с трансцендентным объединяющим началом. В-третьих, качественные множественности призваны описывать процесс становления структур. Это становление имеет место через серию дифференциаций, каждая линия различия соответствует различию по природе, расхождению или изобретению, не предполагающему тождества или сходства с предыдущим состоянием. Это логика радикальной гетерогенности, описывающая процесс дифференциации независимо от различий, разделяющих тождество родового понятия на виды. В связи с этим задача введения понятия множественности предполагает возможность полагать реальное, не прибегая к эссенциализму. Объяснение, скорее, становится динамическим, в терминах И. Пригожина или морфогенетическим, в терминах М. Арчер. В связи с этим философия множественности не имеет дела с определением сущности, она описывает процесс становления события, которое многообразно по возможностям своего измерения, то есть, виртуально больше, нежели актуальность, данная в непосредственном взаимодействии.

Между виртуальным и актуальным имеется различие по природе, онтологическое различие в собственном смысле. И, тем не менее, они связаны между собой генетически, в плане становления. Достаточно понять, что становление, движение онтогенеза идет не от одного актуального термина (субстанции), каким бы непосредственным и абстрактным он ни представлялся, к другому актуальному термину, не от сущности к существованию, а от виртуального к актуальному, то есть от структуры, дифференциальные элементы которой неотделимы от потенциала, к ее актуализации, от дифференциальных элементов и их идеальных связей к актуальным терминам [10, с. 23-25].

Здесь мы самым непосредственным образом сталкиваемся с парадоксальным содержанием онтологического различия: между бытием и сущим, виртуальным и актуальным имеет место отношение основывания, обусловливания, но это повторение влечет за собой дифференциацию, т.е. повторение повторяет не тождественное, а только различие. Всякое сущее, всякий феномен рождается из- и повторяет до-индивидуальный ряд условий, с которыми не имеет ничего общего. Но эти элементы, условия всецело дифференцированы. Они представляют собой не что иное, как пространство потенциальностей, ряд виртуальных тенденций, порожденных сериями дифференциальных отношений. Между

ними отношение не гомотопии, или гомогенности, а гетерогенности. Поэтому в действительности противоположность имеется не между структурой и бытием, или структурой и генезисом, или структурой и смыслом. Противоположность имеется между множественностями, обозначающими структуру, событие и смысл, и понятиями, обозначающими сущности и роды: между множественностями как обозначениями до-индивидуального, виртуального и сингулярного условий существования явлений и понятиями как обозначениями возможной тождественности явления в форме «чтойности».

Почему появляется желание вместо «структуры» говорить *eidos*, «сущность», «форма» и т.п.? Это желание можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в отличие от сущности, формы, категорий, структура есть становление. В противоположность к сущностям, всегда уже данным, структура определяется по ходу дела, постепенно. Во-вторых, тогда как сущность – это правило образования любого возможного объекта, структура есть именно правило образования содержания действительного объекта. Правила в данном случае – это не предикаты неизвестного объекта, а виртуальные отношения становящегося объекта.

Итак, структура-становление имеет две стороны. Первая сторона: элементы взаимодействия существуют только посредством отношений, которые таким образом являются дифференциальными и совместно образуют структуру. «Это отношения типа dx/du . Этим дифференциальным отношениям соответствуют распределения сингулярностей, ординарных и сингулярных точек (событий в их пространственно-временной определенности и событий бестелесных, генетических)» [3, с. 226]. Какова природа дифференциальных элементов? У них нет ни означающей функции, ни понятийного значения, ни чувственной формы. Они не существуют актуально, и всегда являются виртуальными. В основании множества нет тождества, которое могло бы существовать само по себе. Связи элементов множества взаимно определяются идеальными отношениями, которые невозможно локализовать. «...Множество всегда определяется внутренним образом, не выходя из него и не прибегая к единообразному пространству, в которое оно как бы погружено» [3, с. 226]. В-третьих, «идеальная множественная связь, дифференциальное отношение должно актуализироваться в различных пространственно-временных отношениях, тогда как ее элементы актуально воплощаются в разнообразных терминах и формах» [3, с. 227].

Какова природа дифференциальных отношений? Если моделью для теории структуры является дифференциальное исчисление, а не формальная логика, надо помнить, что структура отношений в дифференциальном исчислении отличается от структуры отношений в аксиоматике. В математи-

ке, как правило, выделяются три типа отношений: реальные отношения устанавливаются между независимыми или автономными элементами (отношение $2/3$ или $3+2$); воображаемые отношения устанавливаются между элементами, значения которых не определены, но которые каждый раз получают определенное значение (отношение $x^2 + y^2 - R^2 = 0$, алгебраическое уравнение круга). Объектами аксиоматических систем, например, формальной логики, являются отношения между такими неспецифицируемыми элементами, поэтому можно сказать, что предметом их заботы являются воображаемые отношения. Третий тип отношений, представленный в дифференциальном исчислении, имеет совершенно другой статус: дифференциальные отношения «устанавливаются между элементами, не обладающими определенным значением, но, тем не менее, взаимопределяющимися в отношении между собой ($dy/dx = x/y$, выражение кривой и ее тригонометрического тангенса). Элементы дифференциального отношения являются неопределенными, не реальными и не воображаемыми: dy не определен по отношению к y , dx – к x . Но эти элементы полностью взаимопределяются в системе дифференциальных отношений: они не существуют вне нелокализуемых идеальных связей дифференциальных отношений, в которые вступают (dy/dx) и благодаря которым взаимопределяются» [2, с. 143-144].

Заметим, что именно дифференциальное отношение позволяет Делёзу определять Идею как структуру, в которой различное соотносится с различным посредством различия. Далее, «взаимоопределению дифференциального отношения соответствует полное определение ряда сингулярностей, образующих проблематическое пространство, соответствующее этим элементам» [3, с. 212]. Теория сингулярностей в дифференциальном исчислении предполагает сущностное различие между двумя инстанциями: инстанцией проблемы, т.е. номадическим распределением сингулярностей в топологическом поле, и инстанцией решения, т.е. формированием фигур в соседстве тех же сингулярностей, которые теперь принимают оседлую и неподвижную форму (например, треугольник имеет три сингулярные точки, тогда как кривые и тангенсы допускают более сложное распределение сингулярностей). Проблема не разрешается этими сингулярностями, скорее, она утверждается как проблема. Распределение сингулярностей соответствует отношениям и элементам структуры, которые соответственно актуализируются в различных пространственно-временных отношениях и воплощаются в разнообразных терминах и формах – инстанциях решения.

Вторая сторона структуры-становления складывается из качеств и протяженностей – процесса индивидуации. Дифференциальные отношения первой

стороны структуры определяют актуальные качества, виртуальные сингулярности – актуальные протяженности. Качество – это свернутое количество, синтез количества. Сингулярности суть композиция формы; они определяют форму объекта, его протяженность или его части. Пересечение качеств и протяженностей образует процесс индивидуации. Если качество – это организация интенсивного количества, то протяженность – это организация количества. Виртуальная сторона структуры и ее актуальная сторона интегрируются при условии, что структура применяется к интенсивным количествам.

Процесс индивидуации состоит из количественных интенсивностей. Это интенсивности различия как структурных неравенств, или асимметрий, между разнородными элементами. Как правило, это различия потенциала, интенсивности, которые, коммуницируя между собой, производят эффекты, отличные от эффектов каждого элемента в отдельности. Это не потенциальные различия (потенциальные возможности), а различия потенциала или дифференциал потенциала, вызывающий актуальные эффекты или приводящий систему в актуальное состояние. Изнутри этого дифференциала, этой области интенсивности «вспыхивает» феномен. Эти интенсивные различия и образуют поле индивидуации феномена.

Однако эти различия не феноменологизируемы, не выходят в присутствие. Эти различия всегда даются в форме экстенсивности. Актуализация виртуальных тенденций стремится выровнять, редуцировать или даже снять в актуальности те самые различия, которые собственно и составляют этот процесс. Качества и протяженности – это уже локализованные и распределенные в пространстве и времени различия, уже редуцированные или идентифицированные интенсивности, соотношенные с пространством и временем и неотделимые от их собственной экстенсивности [9, с. 42]. Но если различие раскрывается, опространствливаясь-овременяясь, выходя вовне, в полностью актуализированное явление, то этот процесс экспликации не означает его полное и окончательное аннулирование, поскольку различие сохраняется, будучи виртуально имплицитным в движении своей собственной экспликации. Вот почему об актуализированных системах или о том, как они даются в опыте, Делёз говорит как об «иллюзии», в одно и то же время «трансцендентальной» и «физической»: мы фиксируем только конечный результат двойной дифференциации, ведущей к процессу разрешения или редукции таких различий в актуализированных тождествах. «Редукция», или «деградация», интенсивных различий реальна, хотя и «иллюзорна»: «Существует иллюзия, связанная с интенсивными количествами. Но иллюзия – не сама интенсивность; скорее, это движение, посредством которого аннулируется различие интенсивности. Не то чтобы оно внешне

исчезало. Оно аннулируется реально, но вне себя, в пространстве и качестве» [3, с. 291].

Между ними, этими двумя процессами дифференциации, нет никакого отношения тождества или подобия, только отношение различия. Что означает различие в этом втором смысле? Это различие «между» до-индивидуальным и индивидуальным. Не просто пространство, отделяющее две независимые и пред-данные области, но сам процесс, процессующий это пространство и это время этого «между». Равнозначности бытия соответствует аналогия. Но «переход» понимается именно как различие, промежуток, простирающий виртуальные различия в той мере, в какой отделяет или разделяет их «среда». Можно было бы сказать, вспоминая хайдеггеровское *Unter-shied* или *Mitte*: «Согласно онтологической интуиции Хайдеггера, различие само по себе должно быть сочленением и связью; оно должно соотносить различное с различным без всякого опосредования тождественным, подобным, аналогичным или противоположным. Необходима дифференциация различия в-себе как дифференциатора, *Sich-unterscheidende*, посредством которого различное в то же время собирается воедино, а не представляется при условии предварительных подобия, тождества, аналогии, противопоставления» [3, с. 262]. И так же, как в хайдеггеровском объяснении исходного различия, это движение или процесс различия подразумевает сингулярное опространствование-овременение: «Пространственно-временной динамизм глубже актуальных качеств и протяженности, видов и частей. Именно они актуализируют... Необходимо их обнаружение во всех областях, хотя они обычно скрыты под возникшими протяженностями и качествами» [3, с. 262]. Это «между», или «среда» – место становления, выхода в присутствие, процесса индивидуации, если воспользоваться терминологией Ж. Симондона. Этим процессом очерчивается среда – уже не до-индивидуальная, но еще не индивидуальная – процесса формирования индивидуальных феноменов. Процесс, формирующий свои собственные элементы, отличные от до-индивидуальных сингулярностей. Что это за «новые» элементы, формирующиеся и неотделимые от индивидуации? Этими новыми элементами и являются «качества» и «протяженности». Однако если индивидуация порождает эти новые элементы, в конечном счете интегрирующие различия, то только в той степени, в какой индивидуация обозначает область интенсивности, включенной в движение своей собственной экстенсивности, характеризующееся тем специфическим путем, каким разнородные серии сообщаются между собой в пределах системы. Но как индивидуация она не экстенсивна и не распределяется в экстенсивные качества.

Развитие дифференциальной теории структуры становится возможным благодаря первоначальному

различию возможного и виртуального. Тогда как возможное определяется процессами соответствия и ограничения, виртуальное – процессами различия и актуализации, расхождения и творчества. Процесс актуализации – это процесс различения между отношениями структуры, определяющими элементы взаимодействия, а также между виртуальным и актуальным. Пространственно-временные качества не соответствуют воплощаемым ими дифференци-

альным отношениям. Элементы, отношения и сингулярности структуры никогда не исчерпываются их актуализацией, поскольку они обладают потенциалностью или метастабильностью, постоянно превышающей данное положение вещей [8, с. 77]. Таким образом, структура – это дифференциальные и генетические множественности, отношения и сингулярности которой воплощаются в актуальных формах и взаимоотношениях.

Литература

1. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память: монография / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1347 с.
2. Делёз, Ж. Марсель Пруст и знаки: монография / Ж. Делёз. – Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 1999. – 325 с.
3. Делёз, Ж. Различие и повторение: монография / Ж. Делёз. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 468 с.
4. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато: монография / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, Москва: Астрель, 2010. – 895 с.
5. Луман, Н. Дифференциация: монография / Н. Луман. – Москва: Логос, 2006. – 320 с.
6. Об основаниях геометрии. Сборник классических работ по геометрии Лобачевского и развитию ее идей / (Ред.) А. П. Норден. – Москва: Гос. изд-во технико-теорет. лит., 1956. – 560 с.
7. Общество различия и современная социальная онтология II / Материалы круглого стола // (Ред.) В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов, И.В. Красавин. – Екатеринбург: издательство АМБ, 2010. – 125 с.
8. Delanda, M. Intensive Science and Virtual Philosophy: monograph / M. Delanda. – London – New York: Continuum, 2002. – 248 p.
9. Delanda, M. A New Philosophy of Society. Assemblage Theory and Social Complexity: monograph/ M. Delanda. – London: Continuum, 2006. – 150 p.
10. Farias, I. Virtual attractors, actual assemblages: How Luhmann's theory of communication complements actor-network theory / I. Farias // European Journal of Social Theory. – 2014. – Vol. 16 (1). – pp. 24-41.